

В Тюменский областной суд (через Центральный районный суд г. Тюмени)

от Кутузова Андрея Борисовича,

осуждённого,

проживающего по адресу

г. Тюмень,

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

14 марта 2011 года Мировым судьёй судебного участка № 2 Центрального АО г. Тюмени Гариповой Е. А. в отношении меня был вынесен обвинительный приговор (в дальнейшем - Приговор), в соответствии с которым я был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 280 УК РФ. Мне было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на два года. На основании ст. 73 УК РФ назначенное наказание считать условным с испытательным сроком три года.

Приговор был обжалован с двух сторон в апелляционном порядке.

26 мая 2011 года судья Центрального районного суда г. Тюмени Шадёркина И.Ю. вынесла Постановление (далее - Постановление) об оставлении приговора без изменения.

СЧИТАЮ указанные Приговор и Постановление необоснованными и подлежащими отмене по следующим основаниям.

1. Недоказанность наличия мотива. Приговор и Постановление постановлены на предположениях.

Ни в мировой суд, ни в суд апелляционной инстанции не было представлено объективных доказательств наличия у меня мотива преступления. Напротив, образ жизни, социальный статус, поведение осужденного до, во время и после митинга 30 октября 2009 г. - все свидетельствует о несоместимости распространения им призывов к насильственным действиям против силовых структур. Не основан на доказательствах и противоречит фактическим обстоятельствам, установленным в суде, вывод суда о том, что «Кутузов А.Б. осознавал публичную направленность призывов, содержащихся в распространяемых листовках, на возбуждение социальной розни, нарушение свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной принадлежности». Ни сам Кутузов, ни кто-либо из свидетелей факт этого «осознания» НЕ ПОДТВЕРДИЛ, а основывать приговор на предположениях недопустимо.

2. Нарушение уголовно-процессуальных норм. Вынесение Приговора и Постановления на сомнительных доказательствах.

Инкриминируемые мне листовки «Долой политические репрессии! Ментов к стенке!» мной не изготовлялись и не распространялись. Однако множественные факты, подтверждающие это обстоятельство, были просто проигнорированы судами:

1. Диск, якобы изъятый у меня при обыске, был записан с помощью программы, которая

работает только с операционными системами семейства Windows, тогда как на принадлежащей мне компьютерной технике установлены операционные системы Linux. Компакт-диск со странными датами не мог быть записан мной - поскольку диск действительно был записан в июне 2010 года, когда следственным органам понадобились какие-то дополнительные доказательства.

2. Листовка, изъятая у свидетеля Урлова, была изготовлена на струйном принтере, между тем у меня МФУ лазерного типа. На это обстоятельство изготовители листовок просто не обратили внимания в "процессе производства"
3. Варианты листовок, имеющиеся в материалах уголовного дела, различаются по наличию и отсутствию грамматических ошибок.
4. В деле несколько листовок, распечатанных на лазерном принтере, при этом в них разный размер шрифта (например, разница между листовками на л.д. 81 и 82, 2 том). Это обстоятельство свидетельствует о том, что было запущено целое производство по изготовлению листовок, которые видоизменялись по мере изменения «вводных».
5. В листовке, якобы изъятая у Агейкина (л.д. 16, т.4), слово «тюменский» везде написано с маленькой буквы, а в протоколе осмотра этой же листовки следователь Сухарев везде пишет его с большой. При этом важно отметить особую тщательность копирования текста следователем - даже кавычки, изображенные особым образом - апострофами - во фразе «Центры 'Э' превращаются в политическую полицию...» - в описании Сухарева нашли отражение.
6. В листовке, якобы изъятая у Агейкина (л.д. 16, т.4), на лицевой стороне имеются две картинки с надписями, но в своём подробнейшем описании листовки следователь об этих графических изображениях не указывает. Почему? - Да потому что на момент составления описания изображений не было. Они появились позднее!
7. Аналогичная метаморфоза произошла с листовками, якобы изъятые у Гилёва (л.д. 23 и 25, т.4). Здесь маленькие буквы и картинки куда-то исчезли? Причина на поверхности - в постоянном "совершенствовании" листовок следственными органами.
8. Чтобы отследить причастность следственных органов к изготовлению и исправлению листовок, пришлось поставить своеобразный "следственный эксперимент" после того, как я 14 апреля 2010 года заявил о том, что в листовке имеется ошибка (слово «Тюменский» с большой буквы), в деле начали появляться листовки, где не только это слово было напечатано с маленькой буквы (ошибка устранена), но что особенно показательно! - их стали изготавливать на лазерном принтере! А другие ошибки, о которых я не говорил, остались неисправленными.
9. В ходе судебных разбирательств была выявлена необычайная способность отдельных сотрудников силовых органов читать документы в запечатанных пакетах без их вскрытия. Так после того, как Урлов якобы отдал «экстремистские» материалы в ОМ-4, капитан Забокрицкий упаковал две листовки и одну газету «Трудовая Тюмень» в прозрачный файл и запечатал его печатью ОМ-4 (л.д. 29, т.1). С первого взгляда определив в листовках "экстремизм", капитан отправил файл в Центр по противодействию экстремизму (л.д. 25, т.1). Но там сотрудники оценили содержимое файла, даже не вскрывая его (во всяком случае, в деле нет никаких протоколов вскрытия). Они определили, что пакет нужно отправить в ФСБ. И отправили (л.д. 24, т.1). В ФСБ без вскрытия пакета составили отдельное поручение найти лиц, распространявших на митинге листовки «Долой политические репрессии! Ментов к стенке» и «Пушкин тоже экстремист» и газету «Трудовая Тюмень» и получивших их (л.д. 32, т.1). Кроме того, отправили, опять не вскрывая (протоколов вскрытия в деле нет), тот самый прозрачный файл на исследование в ТюмГУ. Суды не объяснили эти манипуляции с невскрытым файлом? Я считаю, что все участники этих манипуляций заранее знали, что находится в файле и для чего.

10. Весьма показательными являются объяснения свидетеля Урлова. Следователь предъявил Урлову для ознакомления две листовки «Долой политические репрессии!» и «Пушкин тоже экстремист», а также газету «Трудовая Тюмень». Урлов сообщил, что это те самые листовки и газета. Сухарев достал все эти материалы - внимание! - из ещё не вскрытого конверта. При понятых конверт из ТюмГУ с этими листовками и газетой был вскрыт лишь 25 ноября, через неделю после взятия объяснений у Урлова (л.д. 1, т.4). Это значит 18 ноября Сухарев без понятых достал из конверта материалы, предъявил их Урлову, получил подтверждение - «те самые»- и вложил обратно в пакет. А 25 ноября понятые расписались в том, что «конверт видимых повреждений не имеет». Отсюда следует, что следователь относился к листовкам не как к материалам, добытым от свидетелей, а как к собственноручно напечатанным.

Доказательства непрерывного изготовления «листовок» - без участия осужденного - в виде устранения «недоработок» в части используемых шрифтов, появления листовок, в которых слово «Тюменский» было набрано с обычной или прописной буквами, включение в текст картинок, использования первоначально принтера иной конструкции, чем у осужденного, - не были оценены судом. Между тем в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 г. «О судебном приговоре» отмечается, что «при постановлении приговора должны получить оценку все рассмотренные в судебном заседании доказательства, как подтверждающие выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, так и противоречащие этим выводам». В Постановлении подчеркивается, что суд «должен указать в приговоре, почему одни доказательства признаны им достоверными, а другие отвергнуты».

Многочисленные факты, указывающие на фабрикование доказательств, могли быть опровергнуты заслушиванием в суде следователя Сухарева в качестве свидетеля, однако мировой суд отказал в вызове указанного свидетеля, а суд апелляционной инстанции не обеспечил явку свидетеля Сухарева. В результате все сомнения относительно внесения записи в компакт-диск задним числом и изготовления множественных вариантов листовок с малограмотными текстами и множественными отличиями от оригинальных суды истолковали не в пользу обвиняемого, как предписано ч. 3 ст.49 Конституции («Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого»), а во вред ему.

3. Явная необоснованность вывода суда о наличии квалифицирующего признака преступления

Отмечая, что никаких листовок я на митинге не распространял вообще, считаю тем не менее необходимым обратить внимание суда кассационной инстанции на отсутствие квалифицирующего признака инкриминируемого мне преступления - ПУБЛИЧНОСТИ - даже в том гипотетическом случае, если бы я на самом деле вручал листовки Кузнецовой Е.Н., Урлову С.А., Тесаловскому А.Е., Агейкину А.В.

На стр.42 Приговора сделан вывод: "В судебном заседании нашел подтверждение квалифицирующий признак действий подсудимого - публичность, т.е. обращения к широкому кругу людей". Однако такое определение признака публичность является абсолютно надуманным. В соответствии с правилами русского государственного языка семантические свойства этого понятия в словарях раскрываются следующим образом:

а) значение: в присутствии публики, людей; открыто, гласно

б) синонимы: открыто, гласно

в) антонимы: негласно, приватно, втайне, тайно, по секрету

г) гипонимы: громогласно, во всеуслышание

Так что совершенно не важно, к широкому или узкому кругу адресовано обращение, существенно лишь только наличие публики при оглашении обращения, если речь идет о

содержании текста листовки. Но факт передачи листовок Кузнецовой Е.Н., Урлову С.А., Тесаловскому А.Е., Агейкину А.В. никем не был замечен, нет третьих лиц, на глазах которых открыто и во всеуслышание раздавались призывы к экстремистской деятельности, о которых написано в листовках.

Отсюда следует: признака «публичности» в действиях осужденного судом первой инстанции не установлено, упомянутый квалифицирующий признак не доказан.

И такой вывод не может быть поколеблен соображениями, присутствующими в Приговоре: «Из исследованной видеозаписи митинга видно, что сцена применения насилия была продемонстрирована в ходе митинга, на котором присутствовало неопределенное количество граждан. Листовки с названием «Долой политические репрессии! Ментов к стенке!» вручены свидетелям Кузнецовой Е.Н., Урлову С.А., Тесаловскому А.Е., Агейкину А.В. также в ходе публичного мероприятия».

Считаем, что такими высказываниями невозможно превратить приватное, скрытое от других людей распространение листовок с призывами к насилию - в публичное действие. Противозаконного в ходе митинга вообще ничего не происходило, а в так называемой сцене насилия не было призывов к экстремистской деятельности. В драме В. Шекспира «Отелло» тоже есть сцена насилия, но никому в голову не приходит организовывать уголовное преследование режиссера или исполнителей.

И, наконец, распространение листовок якобы «в ходе публичного мероприятия» никоим образом не превращает сам факт распространения в публичное действие. В противном случае кража «в ходе публичного мероприятия» должна стать грабежом, превратиться в открытое завладение чужим имуществом.

При рассмотрении апелляционных обращений суд проигнорировал доводы защиты и просто повторил вывод суда первой инстанции о том, что листовки вручались в ходе публичного мероприятия и имели обращение к широкому кругу лиц.

На основании вышеизложенного и в соответствии со ст.ст. 379,380,381 УПК РФ

ПРОШУ

Приговор от 14 марта 2011 года, вынесенный мировым судьёй судебного участка № 2 Центрального АО г. Тюмени Гариповой Е. А. И постановление от 26 мая 2011 года, вынесенное судьёй Центрального районного суда г. Тюмени Шадёркиной И.Ю в отношении меня, отменить.

Оправдать меня ввиду отсутствия события преступления и отсутствия в моих действиях состава преступления.

Ходатайствую о моём участии в рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции.

6 июня 2011 года

_____ А.Б. Кутузов